

ROMAN SZUBIN

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7603-5336>

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

ПЕТРОСПЕКТИВНЫЕ ПАТТЕРНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ О ВОЙНЕ: 1812

RETROSPECTIVE PATTERNS IN WAR LITERATURE: 1812

The article examines the phenomenon of creating retrospective patterns in the literature about the War of 1812. Both during and after the military campaign, an extremely heterogeneous literary and informational background was formed in genres, simultaneously performing the functions of propaganda, historical truth and comprehension, and subsequent interpretation. It was during this period that patriotic literature emerged, giving impetus to the subsequent formation of conservative patriots and Slavophiles. However, in this discord of journalism, memoirs, eyewitness accounts and high literature, there are common motifs formed on the basis of retrospective knowledge (or the phenomenon of *hindsight bias, wisdom of hindsight*). Various combinations of retrospective motifs form patterns of large images that predetermine the interpretation of events. One of such patterns is the victory pattern, formed in retrospect long before the Napoleonic Wars. This pattern creates the idea of the invincibility of the Russian army and considers obvious (Austerlitz 1805, Friedland 1807) and non-obvious (Borodino 1812) defeats or battles that did not achieve results in the aspect of victory and glory, and losses in the aspect of sacred sacrifice. Due to the dominance of the victory pattern, the coverage of the Patriotic War of 1812 diverges from the real state of affairs, when the existence of the Russian Empire was threatened.

Keywords: War of 1812, historical inversion, wisdom of hindsight, hindsight bias, retrospective patterns

Во все времена у молодых людей имелись под руками готовые принципы¹.

Карл фон Клаузевиц,
1812 год. *Поход в Россию*

ВСТУПЛЕНИЕ

Проблема, рассматриваемая в данной статье, — проблема ретроспективных искажений, возникающая при освещении важных, судьбоносных, поворотных событий истории. Событие, о кото-

¹ Hinterlassene Werke des Generals Carl von Clausewitz über Krieg und Kriegsführung. Der Feldzug von 1812 in Rußland... Band 7, Bei Ferdinand Dümmler, Berlin 1835, c. 140.

ром говорится, — это Московский поход Наполеона или — в русской историографии — Отечественная война 1812 года. Причина обращения к этому событию лежит на поверхности: военное вторжение Российской Федерации в Украину 24 февраля 2022 года сопряжено с искажением информационного фона, в котором выделяются множественные апелляции к истории таким образом, словно в самовольном толковании истории лежит ключ к пониманию современных событий. Изучая искажения на историческом материале, можно увидеть, какую роль они играют в современной пропаганде и идеологии.

Выбранный исторический период очень далек от современности, но в то же время является идеальным для изучения проблемы ретроспективной предвзятости (*hind sight bias*): он располагает огромнейшей литературой, русские авторы писали об этой войне на протяжении двух столетий. В этой войне, как будет показано ниже, слово оказалось таким же оружием, как и любимая Наполеоном артиллерия, сделавшим больше для достижения победы, чем обросшие мифами генералы и армия. Можно сказать, что русские достигли победы в сфере слова, а не на поле боя, убедив себя в победе. Четверостишие Александра Пушкина в X главе *Евгения Онегина*:

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?²

практически исключает военную силу из списка отцов победы, да и вопрос о победе оставляет открытым. Пытаясь реабилитировать антигероя этой кампании, командующего Михаила Барклая де Толли (Михаэль Андреас Барклай де Толли), с именем которого связан ресентимент по поводу русского отступления, Пушкин поднимает проблему искажения памяти.

Проблема ретроспективных искажений заключается в том, что на оценку предшествующих событий накладывается восприятие последующих, что приводит к распространенному «заблуждению историка»³. На неудачную первую часть кампании

² А. С. Пушкин, *Собрание сочинений в 10 томах*, том 4, ГИХЛ, Москва 1960, с. 193.

³ Ср.: „One common form of this fallacy consists in the tendency of historians, with their retrospective advantages, to forget that their subjects did not know what was

1812 года русские мемуаристы и историки стали накладывать восприятие того, что «случилось потом»: истребление Великой армии Наполеона, Заграничный поход 1813 г. и «взятие» Парижа в 1814 г. После падения империи Наполеона все предыдущие неудачи и поражения перестраивались в новом ракурсе, образуя паттерн победы.

Другим моментом ретроспективной предвзятости (*hindsight bias*) была постпамять, память о давних событиях. Понимая, что уже не в состоянии опереться на бодрые реляции о боевых победах, русские авторы стали вспоминать драматические события своей истории и прежде всего Смуту 1612 года. Эта аналогия послужила оправданию сдачи и пожара Москвы в 1812 году, трансформации катастрофы в священную жертву. Искривление памяти стало нормой и диктовало новую модель истории: от поражения к победе, которая оправдывает поражение.

БРОДСКИЙ И УРА-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В юбилейном 1912 году либеральная критика не заметила особых достоинств у литературы, посвященной 1812 году. В ретроспективном обзоре литературы первых двух десятилетий Николай Бродский (1881–1951) приходит к неутешительным выводам: литература не создала достойного исторического события памятника: «вся в тонах минувшего XVIII века, риторически ‘воспевшая’ жизнь, односторонне выразила общественные настроения»⁴. Он повторяет мнение, высказанное несколько ранее Александром Пыпиным (1833–1904), что «двенадцатый год оставил в современной литературе замечательно малый след, не отвечающий его историческому значению», и в основном отразил «патриотическую радость об изгнании врага из пределов отечества», не затрагивая «оборотной стороны событий»⁵. Оценка Бродского касается как простонародных и лубочных

coming next”. D. H. Fischer, *Historians’ Fallacies: Toward a Logic of Historical Thought*, Harper Torchbooks, New York 1970, с. 209.

⁴ Н. Бродский, *Из литературных отражений Отечественной войны* // В. Пичета (ред.), *Отечественная война и ее причины и следствия*, Издательство И.Д. Сытина, Москва 1912, с. 181. Здесь и далее все цитаты и заглавия, записанные в старой орфографии, приведены к нормам современного русского языка.

⁵ А. Пыпин, *Грибоедов*, Сотрудничество, Петроград 1919, с. 17.

афиш Федора Ростопчина, «рассказиков и анекдотов» из журналов «Русский вестник» (редактор Сергей Глинка) и «Сын Отечества» (редактор Николай Греч), так и высокой поэзии, срывавшейся от одилических дифирамбов к «настоящему стихотворному улюлюканью, рифмованной травле, разжигавшей в читателе самые низкие страсти»⁶.

В частности, Бродский фиксирует крутой разворот, совершенный русской ментальностью тех лет, от галломании к франкофобии, выразившийся в молниеносном переодевании недавних галломанов в русских патриотов, которым позднее Петр Вяземский по аналогии с франц. *du patriotisme d'antichambre* ‘лакейский патриотизм’ дал название «квасной патриот»⁷. Найти таких оборотней не составляет труда. Например, Сергей Глинка (1775–1847), один из идеологов патриотического направления, а в прошлом убежденный космополит и «более чем либерал»⁸, ср.: «Вчера брат мой, Сергей Николаевич, выпроводил жену и своих детей. Сегодня жег и рвал он все французские книги из прекрасной своей библиотеки, в богатых переплетах, истребляя у себя все предметы роскоши и моды»⁹, — пишет 2 сентября 1812 г. о своем старшем брате Федор Глинка. В изданных в 1836 году мемуарах на титульной странице Сергей Глинка горделиво назвал себя «первым ратником Московского ополчения», но в ополчение, созданное его идеологическим союзником генерал-губернатором Москвы Федором Ростопчиным, он так и не вступил:

До оставления Москвы я порывался стать перед Москвой не на месте чиновном, но наряду с ратниками. Я был остановлен и оставлен в Москве, дело мое кончилось с Москвой. А за стенами Москвы я бесприютный отец бесприютного семейства¹⁰.

Точно так же и Ростопчин бежал и бросил на произвол судьбы сформированное ополчение, приказав поджечь склады, что вы-

⁶ Н. Бродский, *Из литературных отражений Отечественной войны...,* с. 170.

⁷ См.: Вяземский П. (Г.Р.К.), *Письмо из Парижа в Москву*, „Московский телеграф” 1827, ч. 15, с. 232.

⁸ См. Н. Лупарева, *Становление консервативных националистических взглядов Сергея Николаевича Глинки*, „Вестник Сургутского государственного педагогического университета” 2012, № 4 (19), с. 18.

⁹ Ф. Глинка, *Письма русского офицера*, Тип. „Русского”, Москва 1870, с. 27–28.

¹⁰ С. Глинка, *Записки о 1812 году*, Издание Императорской Российской академии, Санкт-Петербург 1836, с. 72.

звало большой пожар. Такое лицемерие дворянства, воспевавшее веру в богоизбранный, но крепостной народ¹¹, также составляло признак времени, о котором пишет Бродский.

ЛИТЕРАТУРА ДОКУМЕНТА И «РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ»

Изучение литературы документа: писем, походных записок, дневников, воспоминаний, аналитических и объяснительных записок, военной документации, материалов Военно-ученого архива, опубликованных в начале 1900-х гг., углубляет проблему «искаженной памяти» (*distorted memory*) и искривленных воспоминаний.

Источникoved Андрей Тартаковский, предпринявший попытку отделить поденные записи от воспоминаний, замечает, что некоторая часть дневников оказалась утерянной, а оставшаяся — подверглась «мемуаризации» и превратилась в «ретроспективные повествования»¹². Дневники корректировались с учетом того, куда склонялась чаша весов послевоенных дискуссий, а также личных пристрастий участников и очевидцев войны.

Но кроме того мемуаризация происходила естественным образом: авторы стремились воплотить образ всезнающего наратора, повествователя-провидца, бытописателя (историка), а свои записи переделывали в письма, написанные в духе Лоренса Стерна, Жан-Жака Руссо и Николая Карамзина. Наиболее полно это удалось сделать Федору Глинке (1786–1880). Первая публикация *Писем русского офицера* в 1815 году принесла автору литературный успех и до сих пор поставляет историкам наиболее достоверный материал. Ко второй публикации в 1870 г. автор вспоминает давний разговор с Василием Жуковским, который советовал их переписать к следующему изданию:

Тут, кстати, вы можете пересмотреть, дополнить, а иное [здесь и далее до особого указания разрядка автора — Р.Ш.] (что схвачено второпях, на походе) и совсем, пожалуй, переписать. — Теперь ведь уж уяснилось многое, что прежде казалось загадочным и темным¹³.

¹¹ Н. Бродский, *Из литературных отражений Отечественной войны...,* с. 181.

¹² А. Тартаковский (ред.), *1812 год... Военные дневники*, Советская Россия, Москва 1990, с. 9–10.

¹³ Ф. Глинка, *Письма русского офицера...,* с. III.

Нельзя не вспомнить конъюнктурные способности автора главного гимна тех лет *Певца во стане русских воинов* и многократные вычеркивания имен героев в угоду политической ситуации. Но Глинка приводит и протест Ивана Крылова:

[...] всякая вставка, как бы вы хитро ее ни спрятали, будет выглядывать новою, заплатою на старом кафтане. Оставьте нетронутым все, что написалось у вас, где случилось, как пришлось [...] Оставьте в покое ваши походные строки [...] Предоставьте историку изыскивать, дополнять и распространяться о том, чего вы, как фронтовой офицер, не могли ни знать, ни ведать¹⁴.

Во втором издании, повинуясь совету Крылова, Глинка ничего не изменил. Но сама книга *Писем* лишь в некоторых частях сохраняет аутентичные, незаконченные описания, в то время как значительная часть книги — эпистолы разъяснительного характера, написанные по следам событий.

Вот пример законченной, сделанной картинки одного драматического дня, с эпиграфом, философским подтекстом и моралью. В записи от 4 (16) сентября Глинка наблюдает переправу русских войск, покинувших горящую Москву, и намекает на «какое-то очень искусное движение влево»¹⁵ — поворот войск в тыл французам, известный как Тарутинский маневр. Однако поражает какая-то безвременность; во всем фрагменте нет глаголов в настоящем времени, дневниковая запись превратилась в «ретроспективное повествование» о прошедшем из будущего: («Я говорил... Я видел... Так скажет История»). Вспоминая Готфрида Вильгельма Лейбница и его крылатую фразу о свернутом времени: «время настоящее беременно будущим»¹⁶, — Глинка обосновывает модель повторяющейся и разворачивающейся истории: «[...] я предчувствую, что, рожденное счастливыми обстоятельствами настоящего, должно быть некоторым образом повторением прошедшего»¹⁷. Поэтому он называет

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 28.

¹⁶ Там же, с. 29. Ср.: „[...] le présent est plein de l'avenir et chargé du passé”. Leibniz, *Nouveaux Essais sur l'entendement humain*, Ernest Flammarion, Editeur, Paris 1921, с. 16. Ср.: «настоящее чревато будущим и обременено прошедшим» (пер. П.С. Юшкевича) — Г.В. Лейбниц, *Новые опыты о человеческом разумении автора системы о предустановленной гармонии* // того же, *Собрание сочинений в 4-х томах*, т. 2, Мысль, Москва 1983, с. 54.

¹⁷ Ф. Глинка, *Письма русского офицера...*, с. 29.

ет друг на друга схожие эпизоды: сожжение Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем в 1571 г., Смуту 1612 года, — пытаясь осмыслить очередную потерю Москвы и цитируя Михаила Кутузова: «Потеря Москвы не есть еще потеря Отечества. Так скажет история»¹⁸. На самом деле в донесении царю от 4 сентября, опубликованном 17 сентября (когда об этом мог узнать Глинка), у Кутузова была важная оговорка: «возвратная [здесь и далее до особого указания разрядка наша — Р.Ш.] потеря Москвы не есть потеря Отечества»¹⁹, которая существенно меняет смысл фразы и вносит новое условие. Там же Кутузов назвал действия армии «победоносными», Барклай де Толли обвинил в сдаче Москвы, а указанный маневр назначил на следующий день (!)²⁰. Для перестройки общественного мнения понадобится значительно большее время: оно было ошеломлено фактом неожиданной сдачи столицы. Такие события нельзя предугадать, их можно только осмыслить.

ТОЛСТОЙ И ПАРАДОКС КЛАУЗЕВИЦА

После поражения России в Крымской войне (1853–1855) русские авторы стали более критично относиться к оценкам событий 1812 года. Наиболее резкая отповедь прозвучала со стороны Льва Толстого в его пространных рассуждениях о войне. Толстой изучал историю войны по мемуарам русских и французских авторов (Филипп-Поль де Сегюр), историческим исследованиям (Модест Богданович), опираясь на достаточную историческую перспективу, но *Войну и мир* (1868) поспешили объявить антиисторическим произведением, «историческим вольнодумством»²¹. Однако то, что у Толстого шло наперекор тенденции освещения войны, является подрывом исторических предрассудков и ретроспективных искажений.

Первую главу второй части 3-го тома Толстой начинает с интересного рассуждения об отражении войны в сознании совре-

¹⁸ Там же, с. 29.

¹⁹ М. Кутузов, *Сборник документов*, т. 4, ч. 1, Военное издательство министерства обороны Союза ССР, Москва 1954, с 234.

²⁰ Там же, с. 233, 235.

²¹ См. П. Вяземский, *Воспоминания о 1812 году* // того же, *Полное собрание сочинений*, том 7, Издание графа Шереметева, Санкт-Петербург 1882, с. 194–196.

ПЕТРОСПЕКТИВНЫЕ ПАТТЕРНЫ...

менников. Он видит, что ход и смысл событий не совпадает с тем, как события позже выстраивались в сознании современников:

Они боялись, тщеславились, радовались, негодовали, рассуждали, полагая, что они знают то, что они делают, и что делают для себя, а все были непривильными орудиями истории и производили скрытую от них, но понятную для нас работу²².

Образовавшийся зазор между событием, его акторами («не-привильными орудиями истории») и акторами исторической перспективы (сознательными участниками, историками) очень важен, незамечание его самими участниками приводит к искривлению отражения в зеркале сознания. Учитывая этот зазор, Толстой считает, что ни русские, ни французы не могли предвидеть, что движет их к известному финалу. Французов погубило то, чего они не учли или недооценили: климат, растрянутые коммуникации, партизанская война. В свою очередь русские не могли предвидеть, что поражения и отступления «вдвое слабейшей, неопытной и предводимой неопытными полководцами»²³ армии приводили их к победе.

Отмеченный Толстым казус напоминает парадокс кампании 1812 года, описанный Карлом фон Клаузевицем:

Русские редко опережали французов, хотя и имели для этого много удобных случаев; когда же им и удавалось опередить противника, они всякий раз его выпускали; во всех боях французы оставались победителями; русские дали им возможность осуществить невозможное; но если мы подведем итог, то окажется, что французская армия перестала существовать, а вся кампания завершилась полным успехом русских, за исключением того, что им не удалось взять в плен самого Наполеона и его ближайших сотрудников²⁴.

И хотя цитата Клаузевица относится ко второй фазе кампании, она применима и к первой: русские вынужденно отступали под натиском превосходящего противника, уступали пространство, которое в конце концов погубило армию Наполеона на обратном пути. Вопрос заключается в том, каким образом непривильность (вынужденность) заменилась в преднамеренность, которую впоследствии стали называть «скифским» планом отступления.

²² Л. Н. Толстой, *Война и мир*, том 3 // того же, *Собрание сочинений в 22 тт.*, т. 6, Художественная литература, Москва 1980, с. 105.

²³ Там же, с. 106.

²⁴ К. фон Клаузевиц, *1812, Поход в Россию*, пер. А. Рачинского Захаров, Москва 2004, с. 124.

ТОЛСТОЙ И ПРОБЛЕМА РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ПРЕДВЗЯТОСТИ

В рассуждениях Толстого важна мысль о перевернутом положении вещей в сознании современников. Прежде неочевидное и маловероятное, позже стало очевидным и заранее предвиденным, случайное — преднамеренным, вынужденное — запланированным. По мнению Толстого, именно этот переворот (инверсия) предопределил практически всю литературу о войне.

В исторических сочинениях о 1812-м году авторы французы очень любят говорить о том, как Наполеон чувствовал опасность растяжения своей линии, как он искал сражения, как маршалы его советовали ему остановиться в Смоленске, и приводить другие подобные доводы, доказывающие, что тогда уже будто понята была опасность кампании; а авторы русские еще более любят говорить о том, как с начала кампании существовал план скифской войны заманивания Наполеона в глубь России, и приписывают этот план кто Пфулю, кто какому-то французу, кто Толю, кто самому императору Александру, указывая на записки, проекты и письма, в которых действительно находятся намеки на этот образ действий. Но все эти намеки на предвидение того, что случилось, как со стороны французов так и со стороны русских выставляются теперь только потому, что событие оправдало их. Ежели бы событие не совершилось, то намеки эти были бы забыты, как забыты теперь тысячи и миллионы противоположных намеков и предположений, бывших в ходу тогда, но оказавшихся несправедливыми и потому забытых. Об исходе каждого совершающегося события всегда бывает так много предположений, что, чем бы оно ни кончилось, всегда найдутся люди, которые скажут: «Я тогда еще сказал, что это так будет», забывая совсем, что в числе бесчисленных предположений были делаемы и совершенно противоположные²⁵.

В этой обширной цитате с предельной точностью описывается механика когнитивного искажения, известного как знание задним числом, отраженного в русских пословицах типа «Русский человек задним умом крепок» (ср. англ. *with the wisdom of hindsight*) и фраземе «задним числом». Данный феномен исследуется в социальной психологии, в качестве проблемы ретроспективной предвзятости (*hindsight bias*), ползучего детерминизма (*creeping determinism*), поставленной психологом Барухом Фишхофом в 1975 году на примере «предвиденного заранее» визита президента Ричарда Никсона в Китай²⁶. Этим

²⁵ Л. Толстой, *Война и мир*, т. 3..., с. 106–107.

²⁶ B. Fischhoff, *Hindsight ≠ foresight: The effect of outcome knowledge on judgment under uncertainty* [reprint], „Quality & Safety in Health Care” 2003, nr 12, с. 304–312; „Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance” 1975, Vol. 1, cc. 288–290.

явлениям сопутствуют эффекты неизбежности, предсказания и искажения памяти, показательной формулой которых являются фразы: «Я говорил, что так будет» (*I said it would happen*), «Это должно было случиться» (*It had to happen*), «Я знал, что так будет» (*I said it would happen*)²⁷.

В исследовании данного феномена в филологической науке мы опираемся на концепцию Бахтина–Айрапетяна. Так, понятие «историческая инверсия» у Михаила Бахтина объясняет подмену причины и следствия в ретроспективе, идеализацию и героизацию прошлого в фольклоре и романе²⁸. В свою очередь «историческая инверсия» составляет главное свойство мифотворческого мышления в работах Вардана Айрапетяна: «мифотворческое мышление, для которого главное есть старшее, первое по времени, начинает с конца-иного и производит из него все; это и есть ‘историческая инверсия’» (см. фрагмент г723)²⁹.

Таким образом, авторы-мемуаристы, ретроспективно осмысливающие свои собственные наблюдения, знания и опыт, невольно становятся мифотворцами и подменяют естественный порядок («это было так») на обратный («это должно быть так»): где главное («правда») становится старшим («это было давно»).

БОРОДИНО ЛЕРМОНТОВА И ЗАПИСКИ ПОХОДНОГО АРТИЛЛЕРИСТА РАДОЖИЦКОГО

Так, у Бахтина ярким примером исторической инверсии является фраза из стихотворения Юрия Лермонтова *Бородино* (1837) «Богатыри — не вы». В этом ставшем хрестоматийным на многие века стихотворении ветеран перед лицом молодого поколения не только вспоминает события прошлого, но и, пишет Бахтин, сам «рос за счет будущего»³⁰, героизируя прошлое и наделяя статусом «богатырей» погибших товарищей. На уровне фольклорного человека, близкого к нативному мышлению и мифологии, эта инверсия считается естественной. Между тем

²⁷ N.J. Roese and K.D. Vohs, *Hindsight Bias*, «Perspectives on Psychological Science», vol. 7, nr 5, (2012), с. 412.

²⁸ М. Бахтин, *Формы времени и хронотопа в романе* // того же, *Собрание сочинений*, т. 3, Языки славянских культур, Москва 2012, с. 399–404.

²⁹ В. Айрапетян, *Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски*, Институт философии, теологии и истории св. Фомы, Москва 2011, с. 241–242.

³⁰ М. Бахтин, *Формы времени и хронотопа в романе...*, с. 402.

герой ставит политически острый вопрос о смысле Бородинской битвы, о смысле жертв:

Скажи-ка дядя, ведь недаром Москва,
Спаленная пожаром Французу отдана
[...]
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!³¹

Очевидный параллелизм (*недаром?* и *недаром!*)³² наделяет поставленный вопрос злободневной актуальностью о смысле жертвоприношения Москвы и тем самым дискутирует с общеизвестной традицией.

Но вот мифотворческое мышление (по Айрапетяну) свойственно нарратору более раннего стихотворения *Поле Бородина* (1830): герой, которого трудно обвинить в ограниченном кругозоре, погибает в гуще битвы, не зная, чем закончилась битва, но зная, что в ряду сражений и громких побед XVIII века Бородино занимает особое место:

Однако же в преданьях славы
Всё громче Рымника, Полтавы
Гремит Бородино³³.

Бородино «громче», поскольку оно последнее в ряду громких побед. Романтически настроенный автор описывает событие в контексте исторического предрассудка («преданий славы») и данной заранее оценки.

Следы мифотворческого мышления можно обнаружить у нарратора *Бородина* — представителя фольклора с ограниченным кругозором, судящего о событиях бесхитростно и пристодушно. Описывая долгий путь отступления русской армии, он не скрывает своего раздражения и демонстрирует готовность вступить в бой. Так, за русским солдатом тянется длинный, про-

³¹ М. Лермонтов, *Бородино* // того же, *Полное собрание сочинений в 10 томах*, т. 2, Воскресенье, Москва 2000, с. 63.

³² В первой публикации два слова «недаром» писались слитно согласно нормам орфографии (см. «Современник» 1837, № 6, с. 207). Современное раздельное написание снимает актуализацию смысла и вносит актуализацию цены, что обессмысливает вопрос.

³³ М. Лермонтов, *Поле Бородина* // того же, *Полное собрание сочинений в 10 томах*, т. 1, Воскресенье, Москва 2000, с. 272.

тяженностю в столетье, шлейф славы и побед, он опутан этим шлейфом и не видит реальности.

Так же не замечает реальности и возможный прототип лермонтовского героя Илья Радожицкий (1788–1861), офицер-артиллерист, в будущем мемуарист и исследователь флоры. В первой, журнальной, версии *Походных записок артиллериста* Радожицкий размышляет в духе фольклорного героя Лермонтова. Не без гордости описывает реакцию на прочтение манифеста Александра I о начале войны: «Канониры побежали к своим местам, думая уже начинать дело»³⁴. А его рассуждения о ретираде — отступлении представляются откровенным самохвальством:

До того времени Русские не умели ходить назад, и слово «ретирада», по их понятию, заключало в себе нечто предосудительное, несвойственное духу истинных героев, приученных Румянцевым и Суворовым ходить всегда вперед — и побеждать³⁵.

Радожицкий почему-то забывает, что в начале столетия русские войска понесли обидное поражение от Наполеона под Аустерлицем (1805) и Фридландом (1807), итогом которых стал Тильзитский мир. Также в 1805 году под предводительством Кутузова русские войска совершили форсированный отступательный маневр, пройдя более 400 км за один месяц³⁶. Однако Радожицкий склонен выискивать виноватых среди офицеров-иностраниц:

Кажется, можно даже отвечать, что Русской Генерал никогда не решился бы на продолжительную ретираду; он бы скорее насмерть лег со всеми Русскими у рубежа границы, нежели бы согласился вести за собою неприятеля в сердце отечества³⁷.

Так, Радожицкий (а вместе с ним и лермонтовский артиллерист) участвует в травле командующего 1-й армии Барклая де Толли,

³⁴ И. Радожицкий, *Походные записки артиллериста из кампании 1812 года*, «Отечественные записки» 1823 г., ч. 16, октябрь, с. 108.

³⁵ Там же, с. 111. В тех же самых словах рассуждает и Филипп-Поль Сегюр о разложении французской армии во время отступления: «Для людей же, привыкших издавна побеждать, конечно, была невыносима мысль признать себя побежденными» — Ф. П. де Сегюр, *История похода в Россию. Мемуары генерал-адъютанта*, пер. А. Иванов, Захаров, Москва, 2014, с. 218.

³⁶ Ульмско-Ольмюцкий марш-маневр Кутузова, Сетевой журнал «Хронос», https://www.hronos.ru/sobyti/1800sob/1805ulm_olm.php (31.03.2025).

³⁷ И. Радожицкий, *Походные записки артиллериста...*, с. 111.

на которого пала тяжесть обвинения в неудачах, потерях и даже измене³⁸.

Но интересно, что странцем ранее Радожицкий бросался в другую крайность, отмечая превосходство и профессионализм французской армии, стратегический талант Наполеона: «История новейших времен в Европе еще не представляла ему равного»³⁹. Русская армия теперь оказывается «слабейшей», и, сам того не замечая, вопреки своей критике, автор начинает хвалить русское отступление:

И так слабейшему надобно было прибегнуть к особенной осторожности; надобно было уступать шаг за шагом сильному неприятелю, заводить его более в пустые и бесплодные места, в леса и болота, где бы недостаток пищи, изнеможение от продолжительных маршей и суровость климата столько бы истощили его, чтобы нам поравняться с ним — для нападения открытую силой. Пример погибели Карла XII был свеж в памяти Русских; Наполеон, счастливейший в предприятиях, быть может, надеялся более успеха⁴⁰.

Подобный анахронизм (о Карле XII позднее скажет Барклай в обращении к армии после оставления Москвы) и релятивизм объясняется двойственной позицией (или совмещением) «непроизвольного» актора события и актора ретроспекции. Автор, вспоминая события минувших лет, подменяет переживание осмыслением с позиции нового знания (а фактически переосмысливает их задним числом), судит от известного результата и создает свою историю с известным концом.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ МОТИВЫ

Итак, положение вещей, когда мемуаристы оправдывают или объясняют свои реакции на исторические события прошлыми и/или будущими событиями, назовем ретроспективными мотивом. Выделим несколько видов ретроспективных мотивов:

1) **Постпамять**: оправдание события давно прошедшим прошлым, славой, преданиями. В 1812 году стали видеть повторение 1612 года, в сражениях с Великой армией «дети Се-

³⁸ А. Тартаковский, *1812 год и русская мемуаристика*, Наука, Москва 1980, с. 74.

³⁹ И. Радожицкий, *Походные записки артиллериста...*, с. 109.

⁴⁰ Там же, с. 110.

вера» вспоминали Суворова и Румянцева, а вторжение неприятеля вглубь России оправдывали прецедентом Полтавской битвы (1709). В приказе императора по армиям, который цитирует Радожицкий, вспоминаются былые победы: «В них издревле течет громкая победами кровь Славян»⁴¹. За дело взялись так называемые «старые русские», которые «сужденья черпают из забытых газет Времен Очаковских и покоренья Крыма» (Грибоедов). Ключевые события войны принадлежат политическим консерваторам и ретроградам — Кутузову, Ростопчину, Александру Шишкову (автору патриотических царских манифестов). Именно последнему принадлежит идея связи Смуты (1612) с вторжением Наполеона: «Да встретит он (ополченец — Р.Ш.) в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина»⁴². Перекличка между 1612 и 1812 годами послужили, по мнению Александра Осповата, созданию национальной концепции истории и ее сценария:

[...] сначала неудачи, временные и, может быть, даже затяжные, потом происходит некоторое достаточно чудесное возрождение национальных сил, обретение каких-то ресурсов — и мы одерживаем победу⁴³.

2) Ретроспекция: автор-очевидец или современник пишет о событии как историк, находясь в ретроспективной позиции по отношению к нему и его результату. Прецедент исторической инверсии (Бахтин), служащий героизации и идеализации прошлого. Автор не описывает опыт, а вспоминает, оглядывается назад, осмысливает, подменяя ход события его интерпретацией. Оправдания и отчеты Барклай де Толли⁴⁴, составленные

⁴¹ Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, реескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов, В Морской типографии, Санкт-Петербург 1816, с. 7.

⁴² Там же, с. 15.

⁴³ А. Осповат, *Смута на службе патриотизма*, Расшифровка лекции, <https://arzama.c.academy/materials/1330> (31.03.2025).

⁴⁴ М. Барклай де Толли, *Объяснение генерала от инфантерии Барклая де Толли о действиях первой и второй западных армий в продолжение кампании сего 1812 года*, «Записки Императорской Академии наук», том 43, Издание Имп. Акад. наук, Санкт-Петербург 1882, с. 288–292. Важное место в освещении вопроса занимает переписка командующего и императора, см. В. Харкевич, *Барклай-де-Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском*, Гл. упр. уделов, Санкт-Петербург 1904.

постфактум, после увольнения, в немалой степени обусловили создание мифа о «скифском» плане: в них он конечным результатом оправдывает свои первоначальные планы. В работе его племянника Андрея Барклай де Толли ретроспективное искажение коснулось даже названия: *Краткое обозрение знаменитого похода российских войск против французов 1812 года* (март 1813)⁴⁵, словно это русские напали на французов.

3) Анахронизм: суждение «от результата». К этому типу относятся суждения, маркирующие в той или иной степени (*по*) следствие, конец, результат. В категориях Ильи Гальперина это проспекция, ссылка на будущее⁴⁶, ср.: «Последствия совершенно оправдали решимость и дальновидность Российского полководца»⁴⁷ (Карл Толь, флигель-адъютант Кутузова), «Последствие, выполненное счастливейших для нас успехов, оправдало во всех отношениях сие искусное движение»⁴⁸. Однако сама проспекция является производной от ретроспекции и призвана оправдать и объяснить — ключевые глаголы — смысл события в глазах автора.

4) Анахронизм: пророчество задним числом (лат. *Vaticinium ex eventu*). Автор говорит о провидении, предвидении и предзнании (от глагола *предузнать* ‘предугадать’), как правило, запоздалом. Эффекты неизбежности и предсказуемости — прямое следствие ретроспективной предвзятости⁴⁹. При этом нетрудно выявить фактические маркеры, свидетельствующие об анахронизме. Например, в царском Манифесте на окончание Отечественной войны от 25 декабря 1812 г.: «Предузнавая по известному из опытов беспредельному властолюбию и наглости предприятий его, приготовляемую от него Нам горькую чашу зол»⁵⁰ — вопреки логике предузнается «по опыту», в конце самого опыта — *contradictio in adjecto*.

⁴⁵ А. Барклай де Толли, *Краткое обозрение знаменитого похода российских войск против французов 1812 года*, В типографии правительствуемого Сената, Санкт-Петербург 1813.

⁴⁶ И. Гальперин, *Текст как объект лингвистического исследования*, КомКнига, Москва 2007, с. 105–112.

⁴⁷ К. Толь, *Описание битвы при селе Бородине*, «Отечественные записки», Санкт-Петербург 1822, № 29, с. 310.

⁴⁸ Ф. Глинка, *Письма русского офицера...*, с. 195.

⁴⁹ N. J. Roese and K. D. Vohs, *Hindsight Bias...*, с. 412–413.

⁵⁰ Собрание высочайших манифестов..., с. 94.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ ПАТТЕРНЫ...

Федор Глинка один из немногих, кто встал на сторону оклеветанного генералами и оплеванным солдатами Барклая де Толли, сравнил его с Колумбом:

Когда Колумб посредством глубоких соображений, впервые предузнал о существовании нового мира и поплыл к нему через неизмеримые пространства вод, то спутники его, видя новые звезды, незнакомое небо и неизвестные моря, предались было малодушному отчаянию и громко возоптали⁵¹.

Сам же командующий 1-й Западной армией, как известно, «предузнал» о своем плане намеренного отступления только после своей отставки, составляя рапорты и оправдательные отчеты.

5) **Релятивизм**, резкая перемена взглядов и оценок, переход из одного стереотипа в другой. Историческая перспектива и новые данные заставляют авторов менять аргументацию в одном и том же суждении, то есть «переобуваться на ходу», и заниматься самооправданием по принципу ‘Это было давно и неправда’⁵² или «Быть может, я ошибался, но говорил согласно с моим убеждением»⁵³ (Николай Раевский). При этом авторы остаются в пределах своих предрассудков и мифотворческого мышления. Не умея обосновать или провести связь между разными явлениями, автор свободно переходит из одного стереотипа в другой, не чувствуя каких-либо моральных обязательств и ответственности, а главное, не замечая зазора — противоречия между правдой и самооправданием.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ ПАТТЕРНЫ

Различные переплетения и комбинации ретроспективных, анохронических, стереотипных, инверсионных, мифотворческих мотивов образуют модели и образы — ретроспективные пат-

⁵¹ Ф. Глинка, *Письма русского офицера...*, с. 14.

⁵² См. В. Айрапетян, *Толкуя слово...*, с. 155.

⁵³ Николай Раевский о своем оптимистическом докладе Михаилу Кутузову по итогам Бородинского сражения. В оригинале: «je me trompais peut-être, mais je pensais ainsi dans le moment où je parlais». М. Богданович, *История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам*, том II, Тип. Торгового дома Струговщика и Ко, Санкт-Петербург 1859, с. 548, 549.

терны (рисунок, узор), посредством которых рассматривались перипетии кампании 1812 года. В паттернах, с одной стороны, обнаруживается склонность действовать согласно стереотипу и тенденции, а с другой — подвижность и динамичность в переходе от одной модели поведения к другой, приводящая к релятивизму. Назовем несколько ретроспективных паттернов, наиболее часто используемых в литературе о войне 1812 года.

Паттерн о победе наглядно показывает, каким образом поражение, очевидное и неочевидное, трансформируется в большую победу. Негативные последствия войны преобразуются в заведомо данный план победы, объясняются «прорицанием», оправдываются памятью о прошлом либо примером для будущего. Вынужденное отступление русской армии в ретроспективе превращается в намеренное, ср.:

Так! Русские отступили, потому что сие было намерение их, потому что они хотели завлечь тебя туда, где узнаешь, с кем ты имеешь дело. Не страх подвигнул их к отступлению [...]⁵⁴.

В паттерне о победе преобладает мотив священной жертвы, в сожженной Москве намечается символ победы и нового миропорядка: «Ея развалины будут для нас залогом нашего искупления, нравственного и политического; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно осветит нам путь к Парижу»⁵⁵, — пишет Александр Тургенев 27 октября 1812 г., призывая забыть о потерях и «частных неудачах»:

[...] и если мы совершенно откажемся от эгоизма и решимся действовать для младших братьев и детей наших и в собственных настоящих делах видеть только одно отдаленное счастье грядущего поколения, то частные неудачи не остановят нас на нашем поприще⁵⁶.

Но Тургенев лишь развивает основную формулу, появившуюся в царском приказе от 29 сентября 1812 г., где Александр I призывает «потушить пожар Москвы кровью врагов»⁵⁷. По сути, речь идет о травме, которую оставил пожар столицы, о болезненном

⁵⁴ Аноним, *Глас Истины*, «Сын Отечества» 1812, № 1, с. 3.

⁵⁵ В. Саитов (ред.), *Осташьевский архив князей Вяземских*, т. 1, Издание графа С. Д. Шереметева, Санкт-Петербург 1899, с. 6.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ *Собрание высочайших манифестов...*, с. 42.

воспоминании, трансформированном в месть. Метафора пожара становится знаком нового миропорядка уже после Венского конгресса: «Пожар ея был зарево свободы всех Царств земных»⁵⁸.

Паттерн о Бородинской битве тенденциозно представляет итог сражения как победу русской армии, несмотря на то что изобилует информацией о противоположном. Так, всюду превозносится самоотверженность солдат и офицеров, но не говорится о серьезных ошибках и просчетах командования, о том, что сражение было односторонним побоищем: «Это было ужасающее избиение [...]»⁵⁹. Умалчивается вопрос о склонности Михаила Кутузова к интриганству; показательна сцена⁶⁰ двух совершенно разных докладов Кутузову — Людвига фон Вольцогена и Николая Раевского — о состоянии русских войск, в которой важно не что происходит, а кто говорит. Не учитывается отрешенность Кутузова от «страшной серьезности дня», вызванная алкоголем: «er sich den ganzen Tag über im Rücken der Armee unter Champagner-Flaschen und Delikatessen aufgehalten»⁶¹ [он провел целый день в тылу армии, среди бутылок шампанского и деликатесов. Перевод наш — Р.Ш.], реконструированная отчасти Толстым: «Кутузов с трудом жевал жареную курицу и сузившиеся, повеселевшие глазами взглянул на Вольцогена»⁶². Все это выражается в замешательстве относительно двух противоположных приказов: о продолжении боя и об отступлении.

Вследствие этого происходит казус, связанный с оценкой события. В армии все: от Барклая де Толли до лермонтовского ветерана из стихотворения *Бородино* — начинают говорить о том, что победу у них украли: «Вот смерклось. Были все готовы / Заутра бой затеять новый / И до конца стоять...»⁶³ Однако это недовольство звучит после сигнала к отступлению и, следовательно, вступает в силу правила ретроспекции: только потеряв возможность продолжать бой, русский автор наполняется бравадой по отношению к нереализованной, упущененной возможности и утверждает

⁵⁸ Там же, с. 211.

⁵⁹ Ф. П. де Сегюр, *Поход в Россию...*, с. 215.

⁶⁰ Л. Толстой, *Война и мир*, Том 3..., с. 255–259. М. Богданович, *История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам*, Том II..., с. 219–220, 548–549. L.F. von Wolzogen, *Memoiren des königlich preußischen Generals der Infanterie*, Verlag von Otto Wiegand, Leipzig 1851, с. 145–146.

⁶¹ L. F. von Wolzogen, *Memoiren...*, с. 145.

⁶² Л. Толстой, *Война и мир...*, с. 257.

⁶³ М. Лермонтов, *Бородино...*, с. 66.

новый порядок: «Все утешались одержанною победою и с нетерпением ожидали следующего утра»⁶⁴. Желание продолжить сражение, возникшее впоследствии, не является показателем или критерием победы. Так же, в ретроспективе, фактическое поражение русской армии породило формулу «нравственной победы»⁶⁵.

Паттерн о безрассудстве или вине Наполеона. Модель ретроспективного объяснения причин поражения Наполеона была всеобщей и доминирующей: все цели Наполеона изначально были порочны, они основывались на ошибке, безрассудстве и вине Наполеона. В воображении русского автора ошибка (безрассудство, вина) Наполеона заключалась в том, что он не знал о своей ошибке и узнал о ней, когда было слишком поздно. «Как жестоко обманулся честолюбивейший из полководцев в дерзких мечтаниях своих!»⁶⁶. Или:

Если б Наполеон знал тогда, сколько было духа в Русских и охоты драться с ним, не устрашась нимало великих сил его, о коих мы тогда не имели обстоятельного сведения; и если бы вникнул в смысл Царского слова нашего Монарха, произнесшего сии достопамятные слова: не положу оружия, до коле ни одного неприятельского воина не останется в Царствии Моем; если б, говорю, Наполеон взвесил силу сказанного Царем; то да не имел бы безрассудной надежды, с занятием Москвы покорить Россию⁶⁷.

Но и молодой Александр Пушкин — по закону Клаузевица⁶⁸ (см. эпиграф) — лучше Наполеона был вооружен «готовыми принципами» и проинформирован насчет неудач французского императора:

Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал...
Война по гроб — наш договор!⁶⁹
(Наполеон, 1821).

⁶⁴ М. Барклай де Толли, *Изображение военных действий 1812 года*, В Университетской типографии, Москва 1859, с. 24.

⁶⁵ Л. Н. Толстой, *Война и мир*, Том 3..., с. 274. Н. Троицкий, 1812. *Великий год России*, Омега, Москва 2007, с. 297–300.

⁶⁶ Ф. Глинка, *Письма русского офицера...*, с. 200.

⁶⁷ И. Радожицкий, *Походные записки артиллериста...*, с. 108–109.

⁶⁸ К. фон Клаузевиц, 1812. *Поход в Россию...*, с. 74.

⁶⁹ А. Пушкин, *Собрание сочинений в 10 томах*, том 1, ГИХЛ, Москва 1959, с. 162.

Согласно этой логике, чья-то вина становится главным тригером действия и его смысла, мифотворческого в своей основе. Так, по вине Наполеона, русские армии отступали и сдали Смоленск и Москву, сгорела Москва, подожженная русскими:

Ты обратишь вину на Россиян; ты провозгласишь: Русские зажгли Москву [здесь и далее разрядка автора — Р.Ш.]. Нет! Не Русские, а твое бешенство зажгло или повелело зажечь ее; твой ужасный дух хотел возвеселиться блистательным позорищем гибели и разрушения⁷⁰.

И по той же самой вине Наполеона русские «развеяли миф о непобедимости Наполеоновской армии» в Бородинском сражении.

Паттерн о «скифском» плане — это модификация мифологемы поражения как победы. После публикации воспоминаний адъютанта Наполеона Гийом-Матье Дюма (1839) в России заговорили о так называемом «скифском» плане: целенаправленном и преднамеренном отступлении русской армии в глубь страны, чтобы «заставить Наполеона обрасти на берегах Волги вторую Полтаву» [«faire trouver à Napoléon, sur les bords du Volga, un second Pultawa»]⁷¹. Как известно, русская армия ни в одном сражении не разбивала французов, но тем не менее этими «зловещими предзнаменованиями» (*sinistres présages*), высказанными постфактум, вдохновились русские историки, принявшиеся доказывать наличие несуществующих планов отступления⁷², повторяя и приписывая Барклаю де Толли слова о Полтаве и Карле XII⁷³. Однако документов, свидетельствующих о намерениях армии отступать в «древние» русские губернии, обнаружено не было. А за таковые планы, по утверждению Ивана Жукова, нельзя принимать позднейшие рапорты Барклая де Толли, написанные в качестве оправдания, как и за доказательство нельзя принимать факт самого отступления: «будущего плана отступле-

⁷⁰ Аноним, *Глас Истины*, «Сын Отечества» 1812, № 1, с. 7.

⁷¹ M. Dumas, *Souvenirs du lieutenant général comte Mathieu Dumac*, Tome 3, Librare de Charles Gosselin, Paris 1839, с. 416. Имеется в виду разгром армии Карла XII в Полтавской битве в 1709.

⁷² М. Богданович, *История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам*, Т. I. Тип. Торгового дома Струговщикова и Ко, Санкт-Петербург 1859, с. 104. А. Тартаковский, *Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года*, Археологический центр, Москва 1996, с. 66–79.

⁷³ И. Радожицкий, *Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год*, т. 1, тип. Лазаревых ин-та вост. яз., Москва 1835, с. 179.

ния [...] никак нельзя подтверждать фактами, совершившимися впоследствии»⁷⁴.

В русской литературе эту идею освоил Сергей Глинка с подачи брата Федора. Причем Сергей относился к Барклаю презрительно: восхваляя его, тут же дискредитировал. Наделяя своего героя задачей планомерного отступления, Глинка тут же отбирал у него авторство плана: «Он отступал: но уловка умышленного отступления — уловка вековая»⁷⁵. Однако дискредитация пошла дальше, чем похвала, а Сергей окончательно запутался в перипетиях «скифского» плана. В *Записках*, изданных значительно позже, Сергей Глинка набросится на Баркляя с критикой с позиции национализма: «Но Россия стоила того, чтобы ее отстаивать, а не играть русскими городами в шахматные ставки»⁷⁶. Обида за сожженные города Смоленск и Москва взяла верх над оправданием и восхвалением тактики отступления и «игры в кошки-мышки»⁷⁷. Таким образом, паттерн о «скифском» плане сформировался в результате ретроспективных искажений, став удобным нарративом о поражении как победе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Федор Глинка сразу же после завершения кампании 1812 года настойчиво требовал, чтобы была создана *История Отечественной войны*; ему, современному и участнику истории, хотелось навсегда сохранить момент истории таким, каким он ее увидел и отобразил. Поэтому он писал, что «сочинитель истории (1812 г.) должен быть: воин, самовидец и, всего более, должен быть он русский»⁷⁸. Таким образом закладывался самый главный паттерн — антиисторичность истории; история с заранее известным результатом. Но такая, полностью идеологическая история лишена возможности чему-то научить.

⁷⁴ И. Жуков, *Мысли и замечания о плане отступления Русских войск внутрь Империи*, «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», В Университетской типографии, Москва 1867 г., кн. IV, с. 25.

⁷⁵ С. Глинка, *Записки о 1812 году...*, с. 36.

⁷⁶ С. Глинка, *Записки*, Санкт-Петербург: Издание редакции журнала «Русская старина», Санкт-Петербург 1895, с. 254–255.

⁷⁷ См. К. фон Клаузевиц, *1812. Поход в Россию...*, с. 74.

⁷⁸ Ф. Глинка, *Письма к другу*, Современник, Москва 1990, с. 158.

Мышление ретроспективными паттернами свидетельствует о мифотворческом мышлении, утверждающем новый порядок — порядок победы, исключающем всякую мысль о поражении. Стереотипы о войне 1812 года предопределили зарождение национальной концепции истории, идеологии консерватизма и славянофильства, полностью опирающейся на перевернутое — утопическое — представление о прошлом⁷⁹.

Обратной стороной мышления ретроспективными паттернами явились слепота, заблуждение, переоценка своих сил и недооценка сил противника (выражаемое фразеологией: ‘шапкозакидательство’), нежелание видеть подлинное лицо войны, брать ответственность на себя, признавать ошибки. Все эти факторы в конечном итоге привели к первому крупному поражению в следующей войне России с Европой — Крымской (1853–1855), а также к идеологическому и моральному кризису.

REFERENCES

- Clausewitz, Carl von. *Hinterlassene Werke des Generals Carl von Clausewitz über Krieg und Kriegsführung. Der Feldzug von 1812 in Russland...* Band 7, Berlin: Bei Ferdinand Dümmler, 1835.
- Dumas, Mathieu. *Souvenirs du lieutenant général comte Mathieu Dumas.* Tome 3. Paris: Librairie de Charles Gosselin, 1839.
- Fischer, David Hackett. *Historians' Fallacies: Toward a Logic of Historical Thought.* New York: Harper Torchbooks, 1970.
- Fischhoff, Baruch. “Hindsight ≠ foresight: The effect of outcome knowledge on judgment under uncertainty.” *Quality & Safety in Health Care*, 2003, no. 12: 304–312 [original in: *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 1975, Vol. 1: 288–299].
- Leibniz. *Nouveaux Essais sur l'entendement humain.* Paris: Ernest Flammarion, Editeur, 1921.
- Roese, Neal, Vohs, Kathleen. “Hindsight Bias.” *Perspectives on Psychological Science*, 2012, Vol. 7, no. 5: 411–426.
- Walicki, Andrzej. *W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa.* Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2002.
- Wolzogen, Ludwig Freiherrn von. *Memoiren des königlich preussischen Generals der Infanterie.* Leipzig: Verlag von Otto Wiegand, 1851.
- Айрапетян, Вардан. *Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски.* Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011.
- Аноним. “Глас Истины.” *Сын Отечества*, 1812, № 1: 1–17.

⁷⁹ См. А. Walicki, *W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa*, Wydawnictwo naukowe PWN, Warszawa 2002.

- Барклай де Толли, Андрей. *Краткое обозрение знаменитого похода российских войск против французов 1812 года. Посвящается Отечеству.* Санкт-Петербург: В типографии Правительствующего Сената, 1813.
- Барклай де Толли, Михаил. *Изображение военных действий 1812 года.* Москва: В университетской типографии, 1858: 1–32.
- Барклай де Толли, Михаил. “Объяснение генерала от инфантерии Барклая де Толли о действиях первой и второй западных армий в продолжение кампании сего 1812 года.” *Записки Императорской Академии наук.* Том 43. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1882: 288–292.
- Бахтин, Михаил. “Формы времени и хронотопа в романе.” *Собрание сочинений Михаила Бахтина.* Т. 3. Москва: Языки славянских культур, 2012: 399–404.
- Богданович, Модест. *История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам.* Т. I, II. Санкт-Петербург: Типография торгового дома С. Струговщика и Ко, 1859.
- Бродский, Николай. “Из литературных отражений Отечественной войны.” *Отечественная война и ее причины и следствия.* Пичета, Владимир (ed.). Москва: Издательство И.Д. Сытина, 1912: 165–181.
- Вяземский, Петр. “Воспоминания о 1812 году.” *Полное собрание сочинений.* Том 7. Санкт-Петербург: Издание графа Шереметева, 1882: 191–213.
- Вяземский, Петр (Г.Р.К.). “Письмо из Парижа в Москву.” *Московский телеграф,* 1827, ч. 15: 216–232.
- Гальперин, Илья. *Текст как объект лингвистического исследования.* Москва: КомКнига 2007.
- Глинка, Сергей. *Записки.* Санкт-Петербург: Издание редакции журнала ‘Русская старина’, 1895.
- Глинка, Сергей. *Записки о 1812 году.* Санкт-Петербург: в типографии Императорской Российской академии, 1836.
- Глинка, Федор. *Очерки Бородинского сражения (Воспоминания о 1812 году).* Часть 1. Москва: В типографии Николая Степанова, 1839.
- Глинка, Федор. *Письма к другу.* Москва: Современник, 1990.
- Глинка, Федор. *Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции.* Москва: тип. ‘Русского’, 1870.
- Жуков, Иван. “Мысли и замечания о плане отступления Русских войск внутрь Империи.” *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.* кн. IV. Москва: В Университетской типографии, 1867: 16–38.
- Клаузевиц, Карл фон. *1812 год. Поход в Россию.* Transl. Рачинский, Александр. Москва: Захаров, 2004.
- Кутузов, Михаил. *Сборник документов.* Т. 4, ч. 1. Москва: Военное издательство министерства обороны Союза ССР, 1954.
- Лейбниц, Вильгельм Готфрид. “Новые опыты о человеческом разумении автора системы о предустановленной гармонии.” *Собрание сочинений в 4-х томах.* Том 2. Москва: Мысль, 1983: 47–545.
- Лермонтов, Михаил. *Полное собрание сочинений в 10 томах.* Москва: Воскресенье, 2000.
- Лупарева, Надежда. “Становление консервативных националистических взглядов Сергея Николаевича Глинки.” *Вестник Сургутского государственного педагогического университета,* 2012, № 4 (19): 18–23.

ПЕТРОСПЕКТИВНЫЕ ПАТТЕРНЫ...

- Мартынов, Геннадий (ed.). *Отечественная война 1812 года глазами современников*. Москва: Ломоносов, 2012.
- Осповат, Александр. [Расшифровка лекции] *Смута на службе патриотизма.* “Arzamas.”
- Пушкин, Александр. *Собрание сочинений в 10 томах*. Москва: ГИХЛ, 1959–1962.
- Пыпин, Александр. *Грибоедов*. Петроград: Сотрудничество, 1919.
- Радожицкий, Илья. “Походные Записки Артиллериста из кампании 1812 года.” *Отечественные записки*, 1823 г., ч. 16, кн. 1: 107–120.
- Радожицкий, Илья. *Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год*. Т. 1. Москва: тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1835.
- Сайтов, Владимир (ed.). *Остафьевский архив князей Вяземских*. Том I. Санкт-Петербург: издание графа Сергея Д. Шереметева: 1899.
- Сегюр, Филипп-Поль де. *История похода в Россию. Мемуары генерала-адъютанта*. Transl. Иванов, Александр. Москва: Захаров, 2014.
- Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов*. Санкт-Петербург: В Морской типографии, 1816.
- Тартаковский, Андрей (ed.). *1812 год... Военные дневники*. Москва: Советская Россия, 1990.
- Тартаковский, Андрей. *1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения*. Москва: Наука, 1980.
- Тартаковский, Андрей. *Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года*. Москва: Археологический центр, 1996.
- Толстой, Лев. “Война и мир.” *Собрание сочинений в 22-х тт.* Т. 6. Москва: Художественная литература, 1980.
- Толь, Карл. “Описание битвы при селе Бородине.” *Отечественные записки*, 1822, ч. 11, №. 28: 145–193.
- Троицкий, Николай. *1812. Великий год России*. Москва: Омега, 2007.
- Харкевич, Владимир. *Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском*. Санкт-Петербург: тип. Гл. упр. уделов, 1904.